

Питимирова Е.В.

студент магистратуры

Тольяттинский государственный университет

Россия, Тольятти

СПЕЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ИЗБРАНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА: ОТ ФАКТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК К ЮРИДИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ

Аннотация: В статье рассматриваются обстоятельства, от которых зависит фактическая исполнимость домашнего ареста, – наличие пригодного жилого помещения, согласие совместно проживающих лиц, обеспеченность жизненных потребностей подозреваемого или обвиняемого и его согласие на применение технических средств контроля. Установлено, что ни одно из названных обстоятельств не закреплено статьёй 107 УПК РФ в качестве условия избрания меры, вследствие чего их проверка отнесена к усмотрению суда и не влечёт процессуальных последствий при её отсутствии. Обосновывается разделение условий избрания на общие и специальные и квалификация перечисленных обстоятельств как юридических условий, отсутствие любого из которых исключает применение меры. Формулируются предложения по дополнению части 1 и части 3 статьи 107 УПК РФ.

Ключевые слова: домашний арест; меры пресечения; условия избрания; исполнимость меры; жилое помещение; права третьих лиц; предмет доказывания.

Pitimirova E.V.

Master's Student

Togliatti State University

Russia, Togliatti

SPECIAL CONDITIONS FOR ORDERING HOUSE ARREST: FROM FACTUAL PREREQUISITES TO LEGAL CONDITIONS

Abstract: The article examines the circumstances on which the practical enforceability of house arrest depends: the availability of suitable residential premises, the consent of cohabiting persons, provision for the vital needs of the suspect or accused, and their consent to the use of technical means of control. It is established that none of these circumstances is enshrined in Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation as a condition for ordering

the measure, so that their verification is left to judicial discretion and entails no procedural consequences if omitted. The author substantiates a division of the conditions for ordering the measure into general and special ones and classifies the circumstances listed above as legal conditions, the absence of any of which precludes application of the measure. Proposals are formulated for supplementing Parts 1 and 3 of Article 107 of the Criminal Procedure Code.

Keywords: house arrest; preventive measures; conditions for ordering; enforceability; residential premises; rights of third parties; subject of proof.

Уголовно-процессуальный закон оперирует понятиями оснований и обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения. Часть 1 статьи 97 УПК РФ перечисляет основания для применения мер пресечения, а статья 99 УПК РФ предписывает учитывать тяжесть преступления, сведения о личности, возраст, состояние здоровья, семейное положение и род занятий [8]. Ни одна из названных норм не содержит положений, специфических для домашнего ареста: материальные предпосылки этой меры сформулированы в общем виде, едином для всей системы мер пресечения.

Отсюда следует вывод о том, что если основания тождественны для всех мер, то выбор конкретной меры не может определяться основанием как таковым. Единственным содержательным указанием остаётся условие части 1 статьи 107 УПК РФ о невозможности применения иной, более мягкой, меры [8], которое задаёт направление движения от менее строгого режима к более строгому, но не устанавливает критерия остановки. Разграничительную функцию в этих условиях принимает на себя категория условий – в законе отсутствующая и разработанная доктриной.

И. М. Горбатов, опираясь на позиции А. С. Авдеева и Ю. Г. Овчинникова, предлагает разделять условия «на две группы: 1) общие – учитываемые в ходе избрания любой такой меры и обеспечивающие выбор одной из них; 2) специальные – необходимые для избрания конкретной меры пресечения, а также отражающие особенности ее применения в отношении определенных категорий лиц» [1, с. 59-60]. Деление

методологически верно и логически завершает приведённое выше рассуждение: при универсальности оснований различительную работу выполняют специальные условия.

Сложившийся в науке перечень таких условий тот же автор суммирует следующим образом: указание в санкции статьи на наказание в виде лишения свободы свыше двух лет; наличие у обвиняемого жилища; наличие компетентного органа, осуществляющего надзор [1, с. 60]. Перечень этот принят быть не может в первых двух пунктах. Первое условие воспроизводит требование части 1 статьи 108 УПК РФ, которое, по разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации, на домашний арест не распространяется, поскольку они не предусмотрены статьей 107 УПК РФ [6]. Второе сформулировано чрезмерно узко: закон говорит не о жилище как объекте принадлежности, а о жилом помещении, в котором лицо проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях [8]. Действительную специфику меры отражает лишь третье условие, и то с оговоркой: постоянно действующий надзор необходим и при запрете определённых действий, однако именно при домашнем аресте непрерывность пребывания в жилом помещении делает контроль условием самой исполнимости меры.

Содержательно более удачен перечень, предложенный тем же автором в другой работе и построенный не от места меры в системе принуждения, а от возможности её исполнить: наличие жилого помещения, позволяющего обеспечить исполнение меры и применение средств технического контроля; согласие совместно проживающих лиц; отсутствие заболеваний, препятствующих применению меры; наличие у обвиняемого средств на своё содержание либо третьих лиц, принявших на себя соответствующие обязательства [2, с. 52]. Три из четырёх названных обстоятельств в законе отсутствуют, и каждое способно сделать исполнение судебного решения невозможным.

Наиболее острым представляется вопрос о согласии лиц, проживающих совместно с подозреваемым или обвиняемым. И. М. Горбатов констатирует, что получение такого согласия законом не предусмотрено, а «игнорирование данного условия может привести к тяжким последствиям» [1, с. 61]. И. С. Исанбаев приходит к тому же выводу: «законодательно ни процесс, ни сама необходимость получения согласия лиц, проживающих с подозреваемым или обвиняемым в одном помещении, не закреплены» [5, с. 27-28]. З. Х. Урусов обращается к гражданско-правовому основанию проблемы, указывая, что проживание лица, не являющегося собственником, возможно лишь с согласия совладельцев, тогда как «в контексте законодательства, регламентирующего домашний арест, данный аспект не учитывается» [9, с. 234]. Приводимая автором ссылка на статью 247 ГК РФ требует уточнения: названная норма определяет порядок владения и пользования имуществом в долевой собственности, тогда как более точным основанием выступает статья 30 Жилищного кодекса Российской Федерации, закрепляющая правомочие собственника предоставлять помещение во владение и пользование иным лицам [4]. Существо замечания от этого не колеблется, а совпадение трёх независимых наблюдений подтверждает реальность пробела.

Значение вопроса определяется тем, что домашний арест является единственной мерой пресечения, исполнение которой неизбежно обременяет правовое положение лиц, к уголовному делу не причастных. Частичное признание их интересов содержится в межведомственном приказе, предусматривающем составление акта при несогласии совместно проживающих лиц на установку устройства аудиовизуального контроля с последующим информированием органа расследования [7]. Правовые последствия составления такого акта не определены. Пленум Верховного Суда Российской Федерации признаёт за проживающими лицами право обжаловать судебное решение, затрагивающее их интересы [6], однако

обжалование обращено к праву, уже затронутому состоявшимся актом, тогда как условие избрания по своему назначению должно предшествовать его вынесению.

Полный запрет покидать жилое помещение, установленный редакцией 2018 года, означает невозможность самостоятельного приобретения продуктов питания, лекарственных средств и предметов первой необходимости. Закон не возлагает обязанности по обеспечению этих потребностей ни на контролирующий орган, ни на иных лиц и не требует от суда проверки соответствующих обстоятельств; И. М. Горбатов отмечает, что органами расследования они изучаются не во всех случаях, следствием чего становятся последующие нарушения режима [1, с. 62]. Вывод, который отсюда надлежит сделать, имеет самостоятельное значение: часть нарушений порождается не противоправной волей арестованного, а невозможностью удовлетворить элементарные потребности, не покидая жилища, и квалификация таких случаев как нарушения меры пресечения юридически некорректна, поскольку подменяет оценку процессуального риска оценкой бытового обстоятельства.

Сходным образом обстоит дело с согласием на применение технических средств контроля. Приказ 2020 года допускает отказ от их использования, обязывая инспекцию составить акт и проинформировать орган расследования [7]; последствия отказа и порядок реагирования суда не установлены. К. Т. Дюзбаева обоснованно указывает, что «законодательством не на должном уровне регламентированы механизмы контроля за соблюдением условий домашнего ареста, таких как использование электронных средств слежения» [3, с. 276]. Оценка эта верна применительно не только к стадии исполнения, но и к согласию на контроль как к обстоятельству, подлежащему установлению в судебном заседании об избрании меры.

Изложенное позволяет предложить двухкомпонентную модель условий избрания домашнего ареста. Общие условия отвечают на вопрос о допустимости меры в системе принуждения: невозможность применения более мягкой меры и отсутствие оснований для более строгой. Специальные условия отвечают на вопрос о её исполнимости в конкретной фактической обстановке и должны включать наличие жилого помещения, пригодного для удовлетворения базовых потребностей в течение срока меры и позволяющего применить технические средства контроля; согласие совместно проживающих совершеннолетних лиц; обеспеченность жизненных потребностей подозреваемого или обвиняемого; его согласие на применение технических средств контроля либо мотивированный вывод суда о возможности контроля без конкретного средства; отсутствие заболеваний, препятствующих применению меры.

В отличие от подходов, рассматривающих названные обстоятельства как фактические предпосылки, устанавливаемые по усмотрению суда, предлагается квалифицировать их как юридические условия, отсутствие любого из которых исключает избрание домашнего ареста. Практическое значение такой квалификации состоит в переводе соответствующей проверки из области судейского усмотрения в область обязательного предмета исследования по материалу о мере пресечения.

Реализация предложения требует изменения двух частей статьи 107 УПК РФ. Часть 1 подлежит дополнению перечнем специальных условий и определением жилого помещения, построенным на признаках законности проживания и пригодности помещения. Часть 3 надлежит дополнить требованиями к содержанию ходатайства, включая указание места и способа исполнения меры и порядка обеспечения жизненных потребностей [2, с. 55], и – что составляет недостающее звено ранее высказанных предложений – процессуальным последствием их несоблюдения: при непредставлении сведений о специальных условиях суд отказывает в удовлетворении ходатайства. Без нормы о последствиях требования к

ходатайству остаются необеспеченными, а выявленные пробелы будут по-прежнему обнаруживаться лишь в апелляционном порядке, когда ценой исправления становится либо период незаконного ограничения свободы, либо возвращение лица в следственный изолятор.

Использованные источники:

1. Горбатов И. М. К вопросу оснований и условий избрания меры пресечения в виде домашнего ареста // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 4. С. 57-64.
2. Горбатов И. М. Процессуальный порядок избрания домашнего ареста нуждается в совершенствовании // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2023. № 4. С. 50-59.
3. Дюзбаева К. Т. Домашний арест: проблемы законодательного реализации положений уголовно-процессуального законодательства в сфере избрания домашнего ареста на стадии предварительного расследования // Вестник науки. 2025. № 4 (85). С. 275-280.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 20.08.2026).
5. Исанбаев И. С. Практические вопросы избрания и применения меры пресечения в виде домашнего ареста // Актуальные проблемы предварительного расследования: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 апреля 2023 года. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. С. 26-28.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 20.08.2026).

7. Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста...». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361740/ (дата обращения: 20.08.2026).

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.08.2026).

9. Урусов З. Х. Домашний арест: краткий обзор проблем правоприменения // Право и управление. 2024. № 9. С. 232-237.